

В. Д. КУЗЬМИНА

Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния»

Изучение переводных произведений раннего периода русской литературы позволяет наглядно представить себе взаимодействие стилистики иноземных (византийских или славянских) книжных произведений с поэтикой русского народного творчества. Синтез обоих начал и послужил основой своеобразного художественного стиля древней русской литературы.

Продолжая работу, начатую советскими исследователями, попробуем сопоставить стилистику «Девгениева деяния» с его источником — средневековыми греческими поэмами о подвигах Дигениса Акриты.¹ Последние сохранились в поздних переделках XV—XVII вв., отличающихся по стилю и даже по содержанию от более архаического текста X—XI вв., который имел перед собой автор «Девгениева деяния». Оставив в стороне поздние переделки XVII в. (рукопись 1632 г., найденную Д. Пасхалисом на о. Андросе в 1898 г., и Оксфордскую рукопись И. Петрициса 1670 г.), привлекаем для сравнения рукописи Гроттаферратскую (XV в.), о Андроса,² Трапезундскую и Эскуриальской библиотеки (XVI в.).³

В этих списках поэмы о Дигенисе отличаются от «Девгениева деяния» иным расположением отдельных эпизодов фабулы (например, Дигенис встречается с Максимо и Филипапой после брака со Стратигонной) и обширными, явно позднейшими вставками (рассказ Дигениса о его встрече с дочерью эмира Аплоравада; многочисленные рассуждения авторов морализующего и панегирического типа; описание дворца Дигениса). Тем не менее для интересующей нас темы достаточно материала дают эпизоды, которые в дошедших до нас поздних списках поэм о Дигенисе сохранили некоторые черты греческого протографа «Девгениева деяния» и оказываются поэтому довольно близкими к русским его текстам.

¹ Оставляю в стороне полемику вокруг генезиса греческих поэм о Дигенисе и их взаимоотношений с греческими песнями акритического цикла. Не разбираю также утверждений о позднем происхождении русского «Девгениева деяния», в котором либо пытаются видеть обработку поздних народных акритических песен, возникших на основе ученых средневековых греческих поэм, либо считают, что «Девгениево деяние» — перевод несохранившегося югославянского романа о Дигенисе XIV—XV вв.

² Отдельные чтения этой рукописи исправляются и дополняются по родственной ей Трапезундской рукописи.

³ Все цитаты греческих текстов сделаны по новейшим изданиям: Гроттаферратская рукопись — по оксфордскому изданию 1956 г. (Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by John Mavrogordato), остальные — по афинскому изданию 1941 г. (ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ ΔΙΓΕΝΗΣ ΑΚΡΙΤΑΣ. ΝΕΑ ΠΑΝΡΗΣ ΕΚΔΟΣΙΣ ΜΕΤ' ΕΙΣΑΓΩΓΗΣ, ΥΠΟΣΕΜΕΙΩΣΕΩΝ ΚΑΙ ΚΡΙΤΙΚΟΥ ΥΠΟΜΝΗΜΑΤΟΣ ΥΠΟ Π. Π. ΚΑΛΟΝΑΡΟΥ), с указанием книги и номера стиха поэмы. Рукописи обозначены сокращенно: А. — рукопись о. Андроса (ныне находится в Афинах); Гр. Ф. — Гроттаферратская рукопись; Тра. — Трапезундская рукопись; Эск. — Эскуриальской библиотеки.

Из русских списков «Девгениева деяния» для данной цели интересны Мусин-Пушкинский и Тихонравовский тексты, представляющие первоначальную русскую редакцию произведения.⁴

Параллельный анализ возможен в семи эпизодах, совпадающих по содержанию: 1) охота юноши Девгения на диких зверей; 2) описания внешности Девгения и его одежды; 3) описание убранства коня Девгения; 4) диалог Девгения со Стратиговной; 5) похищение Стратиговны; 6) битва Девгения с родными Стратиговны; 7) перечисление свадебных подарков, полученных Девгением.

М. Н. Сперанский в своей монографии показал, что описания и перечень подарков в первой русской редакции «Девгениева деяния» почти дословно следуют за греческим оригиналом.⁵ Он пришел к выводу, что такие совпадения — наглядное доказательство того, что «Девгениево деяние» было переводом (а не переделкой) общего протографа рукописей о Андроса, Трапезундской и Гроттаферратской. Позднее этот вывод был уточнен А. Стендером-Петерсеном⁶ и А. Грегуаром,⁷ которые высоко оценили точность русского перевода (описания одежды, внешности и т. п., перечисленные подарки).

Для нашей цели — сравнительного анализа стилистики — гораздо больший интерес представляют эпизоды (охота Девгения на диких зверей, похищение им невесты — прекрасной дочери Стратига и битва с ее родными), в которых обращают на себя внимание не только точные совпадения лексики перевода, но и отличия.

«Ведущие стилистические тенденции каждого исторического периода наиболее выражались в подборе поэтических „формул“, характерных для определенных групп литературных жанров, — указывала В. П. Адрианова-Перетц. — С этой точки зрения весьма продуктивным для последующих обобщений явится изучение метафорическо-символического языка средневековой русской литературы».⁸

Изучая стилистику русского текста «Девгениева деяния», М. Н. Сперанский выделил обильные сравнения, «придающие изобразительность, картинность рассказу и построенные при помощи „как“ (яко)». Он сопоставил их с аналогичными сравнениями в ранних переводных произведениях («История иудейской войны» Иосифа Флавия) и в русских оригинальных памятниках («Слово о полку Игореве», Галицко-Волынская летопись). Исследователь подчеркнул общность «не только в способе построения их, но, кроме того, и в самом подборе материала для сравнения: это преимущественно область мира животных (сокол, волк, лев, пардус, тур, орел и т. п.), явлений природы (дождь, снег), притом эти образы животных и картины природы часто будут одни и те же. Видимо, этот круг предметов сравнения был в значительной степени ходячим, общепринятым в той среде, которая дала нам и перевод

⁴ Подробнее об этом см.: М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. — СОРЯС, т. ХСІХ, 1922, № 7 (далее: Спер.), стр. 48—56, 82—87 и др.

⁵ Там же, стр. 15 и 115.

⁶ A. Stender-Petersen. Zum Problem des Digenis-Romans. — Slavische Rundschau, Prag, 1938, Jahrgang, X, № 6, стр. 198.

⁷ A. Gregoire. Le Digenis russe. Russian epic studies, edited by R. Jakobson and E. F. Simmons. — Memoirs of the American folklore society, vol. 42 (1947). Philadelphia, 1949, стр. 137—138, 146—147.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 10.

„Девгениева деяния“, и перевод Иосифа Флавия, и „Слово о полку Игореве“, и нашу южную летопись XII—XIII вв.»⁹

Продолжая наблюдения М. Н. Сперанского, попробуем разделить в стилистике русского текста «Девгениева деяния» сравнения, навеянные византийской поэмой, и те, которые внес туда переводчик, исходя из стилистики русской народной поэтики.

В эпизоде охоты отрока на диких зверей греческий автор цепью сравнений подчеркивает быстроту и силу юного сына Амира.

Увидев медведя с медведицей и двумя медвежатами, Дигенис, подобно молнии, выскочил из кольчуги, схватив простую палицу.

ὡς ἀστραπή ἐξεπήδησεν ἀπὸ περιστήθιου,
μηδὲν ἐπιφερόμενος, εἰ μὴ λίτον ῥαβδίτιζιν
(Гр. Ф., IV, 118—119).

Убив самку, Дигенис

налетел, подобно орлу,
и настиг дикого зверя
[медведя-самца].

πετάσας ὡς ἀετὸς ἔφθασε τὸ θηρίον
(Гр. Ф., IV, 132).

В рукописях Андроса и Трапезунда в поэме о подвигах Дигениса следом за победой над медведем помещен рассказ о том, как отроку Дигенису пришлось вступить в единоборство с самкой оленя, вспугнутой из лесной чащи шумом его борьбы с медвежьим выводком. Криком предупредил Амир сына: любимый, смотри, вот еще зверь. Услышав это, юноша Дигенис,

как лев, рассердился, как пардус,
сжался и в несколько прыжков опередил
лань.¹⁰

ὡς λέων ἐβριμήσατο, ὡς πάρδος συνεσφίθη,
καὶ εἰς ολίγου πῆδημα τὴν ἐλαφίνα φθάνει
(А., IV, 1451—1452).

Параллелизм, аналогичный вышеприведенным сравнениям, Дигениса с орлом, львом, пардусом, находим также в эпизоде похищения прекрасной дочери Стратига:

куропатка вылетела, сокол
[ястреб] схватил ее.

ἡ πέρδικα ἐξεπέτασεν, ὁ ἴεραξ τὴν ἐδέχθη
(Гр. Ф., IV, 587).

Сравнение юноши Девгения со львом («поскочи, яко лев, и, догнав лося, похвати его») сохранено в русском тексте в эпизоде охоты. Сравнение его с орлом перенесено в сцену похищения невесты, которую прекрасный Девгений, «яко орел, исхити».

Но, в соответствии с образностью русской народной песни и ранней летописной повести, переводчику «Девгениева деяния» особенно полюбилось сравнение героя с соколом. «Старшие примеры применения образа сокола в русском историческом стиле показывают, что князь, воин уподобляются соколу именно как охотничьей птице», — указывала В. П. Адрианова-Перетц, приводя метафоры и сравнения Ипатьевской летописи и «Слова о полку Игореве».¹¹

В русском тексте «Девгениева деяния» герой дважды сравнивается с соколом в сцене охоты: Девгений «спаде с коня, яко сокол млады»; «яко скоры сокол, медведя наскочи». При этом в обеих характери-

⁹ Спер., стр. 60.

¹⁰ Лань (самка оленя) — греч. ἡ ἐλαφίνα — была заменена при переводе лосем — греч. ἡ ἄλλη (ср. у Владимира Мономаха упоминание об охоте на лося) — в соответствии с природой и бытом Киевской Руси.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 78.

ках быстроты Девгения образ сокола заменил имевшиеся в греческом тексте сравнения с молнией и орлом.

Дважды встречается сравнение Девгения с соколом и в боевых эпизодах в битве с войском Стратига («яко дюжей сокол удари посреде их»), в единоборстве с царем Василием («скочи через реку, яко дюжи сокол»). При этом следует отметить, что в картинах сражений греческие тексты поэм о подвигах Дигениса совсем не дают сравнений: прославление героя достигается чаще всего другим приемом — подчеркиванием многочисленности, опытности вооруженного врага, с которым дерзает сражаться отважный юноша.¹²

Средневековая битва осмыслялась как тяжкий труд и в славянской поэзии сопоставлялась с трудом земледельца. Отсюда общеславянские образы битвы-сеяния, битвы-жатвы, известные как в русских исторических песнях, так и в «Слове о полку Игореве». Вероятно, именно эта славянская традиция образности определила сравнение битвы Девгения против многочисленного вражеского войска с трудом умелого косца или жнеца: он так сражается, «яко же добры косец траву положи», он бьется так, «яко добры жнец траву сечет».

Стремясь возвеличить подвиги Девгения, русский переводчик подчеркивал множество пленных, взятых им во время битвы с войсками Стратига: перебив половину воинов, Девгений вторую половину «перевязал, яко пастух овец перед собою погна».

Последняя картина прямо противоречит греческому тексту поэмы, где говорилось: «Дигенис так жестоко бился с воинами Стратига, что, прежде чем вернулся Стратиг, ни одного [из них] не осталось [в живых]» — *πρὶν ἔλθειν τὸν στρατηγὸν οὐδὲ εἰς ὑπλείφθη* — Гр. Ф., IV, 1724).

Разные воззрения на плен русского переводчика и греческого автора ясно выступают в этом эпизоде.

Не имеют также греческих параллелей метафоры, с помощью которых в русском тексте рисуется образная картина пробуждения отваги и воинской силы в 12—14-летнем отроке. Перед тем как он стал просить отца и родных отпустить его «на ловы», «преславный Девгений 12 лето мечем и граша, а на 13 лето копием».

В Эскуриальском списке (стих 743) эпизод отроческой охоты Девгения начинается прямо с просьб его к отцу. В Гроттаферратском списке (IV, 70—72) глухо говорится, что отрок стремился к конским ристаниям и охоте (*ἰππηλάσια καὶ κυνηγεῖν*). Лишь рукопись, найденная на о. Андросе, содержит указания, что мальчик Дигенис любил охоту и стрельбу из лука (*ἀγάπησε κυνήγια καὶ τόξα, καὶ κυνηγᾷ, καὶ πολεμᾷ, καὶ τρέχῃ τότε πάντα* — А., IV, 1388—1389).

Давая вольный перевод греческого текста, русский книжник с помощью метафоры оттенял богатырство отрока Девгения, почувствовавшего в себе пробуждение воинской силы.

Характерна для поэтики русской воинской повести и вторая метафора текста «Девгениева деяния» — синоним гибели, смерти: «голову свою положить». Эта метафора имеет лишь весьма отдаленную связь с сообщением греческих поэм о том, что все женихи дочери были обезглавлены или ослеплены Стратигом: *ἐκράτησε πάντας, τοὺς μὲν ἀπεκεφάλισεν, τοὺς δὲ*

¹² *Ἐξενοπράγμα εἰδείκνυτο τοῖς ἐκείσει παροῦσι καὶ ἐν βραγεῖ ἀπέκτεινε στρατιώτας ἀπέιρους καθωπλισμένους ἰππικούς, πολέμου γυμνασμένους, οἷς συμβουλευεῖν ἤρξατο στραφήναι εἰς τὰ ὀπίσω καὶ μὴ πείραν τῆς αὐτοῦ μεταλαβεῖν ἀνδρείας* (Гр. Ф., I V. 1716—1721).

τοφλοῦς ἐποίησεν (Гр. Ф., IV, 1376—1377). М. Н. Сперанский справедливо указал, что метафора погибнуть-«голову положить» (варианты: сложить, приложить) хорошо известна в литературе Киевской Руси, как в Ипатьевском списке Повести временных лет («за Русскую землю головы свое сложити»), так и в «Слове о полку Игореве» («хощу главу свою приложити»).¹³ В греческих хрониках и в аналогичных эпизодах греческого текста «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия эта метафора не встречается.

Аналогично обстоит дело и с постоянными эпитетами, нередкими в языке русского текста «Девгениева деяния». Традиции русской народной поэзии определили наличие в «Девгениевом деянии» таких постоянных эпитетов, как «лютый» (зверь), «борзый» (конь), «младой» (сокол). Сравнение с соколом образно раскрывает быстроту и силу юного Девгения на охоте и в единоборстве. Можно думать, что поэтому автор и ввел в текст именно такие эпитеты, как «скорый» сокол, «дюжий» сокол.

Интересно отметить, что в греческих текстах некоторые из приведенных существительных (например, сокол — ἱεραξ или зверь — θηρίον) употребляются без эпитетов, а «борзому» коню соответствует «отважный», «смелый» конь (τολμηρὸς καὶ θρασύς ἵππος — Гр. Ф., IV, 1221; Тра., IV, 1016).

Отметим также другие случаи переадресовки или вольного перевода эпитетов греческого текста.

Многообразно, хотя и различно в соответствии с материальной культурой обоих народов употребляется эпитет «золотой». В греческих поэмах встречаются словосочетания: золотое оконце χρυσῆ θύρις — Гр. Ф., IV, 1664), золотые рукава χρυσοράνικα — Гр. Ф., IV, 2006), золотые монограммы χρυσογράμματα — Гр. Ф., IV, 2001), золотая мозаика χρυσό-μουσα — Гр. Ф., IV, 3370). В переносном смысле тот же эпитет встречается в словосочетании «золотой (т. е. дорогой) зять» χρυσογάμβε — Гр. Ф., IV, 1772). Последнее удачно передано в «Девгениевом деянии» выражением «милый зять». В русском тексте упоминаются «золотые» крест, шлем, броня и «сухое золото» (т. е. литое золото). В переносном смысле слова в тексте «Девгениева деяния» мы встречаем эпитет «золотые струны». Как показывают примеры, в употреблении этого эпитета греческие и русские тексты расходятся.

Несомненно греческого происхождения эпитеты, передающие восторг Стратиговны красотой юного Девгения («о свет светозарный, прекрасное солнце»). Аналогичные эпитеты — «словно солнце прекрасное» (ἥλιος καλός — Гр. Ф., IV, 1558), «солнцорожденный» (ἡλιογέννητος — Гр. Ф., IV, 1429, 1886) — встречаются в греческих поэмах, но они почти всегда сопутствуют образу юной красавицы — дочери Стратига. Лишь один раз сравнивается с солнцем облик юного героя в рукописи о Андроса: когда Дигенису исполнилось 12 лет, «словно солнце, воссиял он среди других юношей» (ὡς ἥλιος ἀπέλαμπεν εἰς ὄλα τὰ παῖδια — А., IV, 1397).

Приведенные наблюдения не исчерпывают всего материала, но они позволяют наметить общую закономерность.

Переводчик «Девгениева деяния» не всегда и не везде точно следовал своему источнику. Он старался брать из греческого произведения те сравнения, метафоры, эпитеты, которые либо имели соответствия с русской народной традицией, либо были связаны с привычной библейской образностью («яко лев», «яко орел»). Многое в стилистике своего текста русский переводчик создавал самостоятельно, опираясь наряду с устной поэзией на раннюю воинскую повесть (летопись, «Слово о полку Игореве», перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия).

¹³ Спер., стр. 63.